

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977.

Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004.

Димитриева О. А.
Чебоксары, Россия

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ АКСИОСФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА *АТРОФИРОВАТЬСЯ*)

Концептуализация абстрактного сквозь призму естественного опыта является одним из основных способов метафорического осмысления действительности [Лакофф, Джонсон 2008]. Так, использование пространственного предлога *в* с семантикой местонахождения (внутри) указывает на субъект как носителя состояния: *В душе / сердце радость, печаль* и т. п., фиксирует представление о человеке как сосуде и вместилище (контейнере) эмоций и чувств. В то же время употребление предлога *у* также эксплицирует субъекта, испытывающего то или иное состояние (*У меня радость, печаль* и т. п.), но с оттенком посессивности, представляющей эмоции как отдельную сущность. «Прибегая к бытийным предложениям, русский язык моделирует сообщения о микромире по типу сообщений о макромире <...> Микромир человека в бытийных предложениях пропускается через призму предметности» [Арутюнова 1976: 256]. Рассмотрим «микромир человека», интерпретируемый через внешние физические (анатомические, физиологические) проявления на примере действия, обозначаемого глаголом *атрофироваться*. Иллюстративный материал взят из Национального корпуса русского языка.

Отметим толкования глагола *атрофироваться*: «Подвергнуться (подвергаться) атрофии»; АТРОФИЯ. Потеря жизнеспособно-

сти и уменьшение размеров органа, отдельных тканей организма вследствие нарушения их питания или длительного бездействия (биол., мед.). || перен. Утрата, притупление какого-л. свойства, способности и т. п.» [Словарь русского языка 1999: 51]. Нас будет интересовать переносное значение. В высказываниях, содержащих глагол *атрофироваться*, выделяются два типа оценки: этическая (оценка общественного строя, человека социального) и эксплицирующая мир внутренних переживаний, эмоций (оценка индивидуальная).

Метафоризация глагола *атрофироваться* осуществляется как имплицитно (в таких случаях вводятся слова типа *орган*, *мускулы* не в прямом значении, например, *мускулы честолубия* или *культурное сословие – орган народный*), так и эксплицитно (через введение сравнительного оборота: *Со временем и сами письменные столы становились всё меньше и неприметнее, они превратились вот именно в столики, они отмирают, как у животного вида атрофируется какой-нибудь орган, в котором животное перестало нуждаться* (В. А. Солоухин. Письма из Русского музея) [НКРЯ].

Из сферы физического изменения (глагол в прямом значении) действие проецируется на сферы ментальную и эмоциональную. В высказываниях подчеркивается тот или иной аспект семантики слова: ***часть – целое***: *полностью, почти, часть <меня>, что-то атрофировалось; употреблять (работать) – не употреблять (не работать): за ненадобностью, от паразитической жизни; время (пора) – не время (рано)*.

Если для высказываний, включающих глаголы с семантикой разрушения (*скиснуть, зачерстветь*), в роли субъекта действия выступает человек [Димитриева 2018], то формальным субъектом действия становится номинация чувства, эмоции и т. п.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.

Димитриева О. А. Познание объективного мира и самопознание: глаголы с семантикой 'разрушение предмета' в представлении человека о себе // *Jazyk a kultura*. 2018. № 36. S. 7–14.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.05.2019).

Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд. Т. 1. М., 1999.

Лабунец Н. В.
Тюмень, Россия

ВЕЩЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: «СКАТЕРТЬ УЗОРЧАТОСЛОВНАЯ»

Проблема «слов и вещей» неоднократно становилась предметом гуманитарного изучения, однако в последнее время мир повседневного быта получает новое осмысление. Бытовые реалии, рассматриваемые в аспекте аксиологии, интерпретируются как символически нагруженные точки пересечения внешнего и внутреннего пространства человека. Скатерть не просто «бытийная мелочь», но одна из тех вещей, «душевная польза» которых, по выражению В. Н. Топорова, неоспорима. Забвение вещи, привычной детали русского быта, воспринимается как утрата ценностного смысла, становится символом культурного запустения: *«Не стелили скатерть камчатную узорчатословную ... оттого и дыхание рваное, злое, неровное ... пустыня синайская, край незаселенный»* (Виктор Кривулин, 1993 г.).

Скатерть, этнолингвистический комплекс в системе «славянских древностей», является артефактом «полотняного фольклора» (крестьянского, городского, монастырского), включаясь в ритуально-обрядовую деятельность, имеет региональную окрашенность, транслирует ментальные установки народа (*скатертью дорога; скатерке лежать, а дому стоять*).

Лингвокультурологическая и лингвоаксиологическая составляющие слова «скатерть» в докладе рассматриваются на материале Национального корпуса русского языка (более 6000 вхождений), а также диалектных включений, в том числе сибирских, не вошедших в НКРЯ. Судя по лексикографическим данным, «скатерть» известна с XII (по